

## РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).  
*Political Linguistics.* 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'373  
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-36

ГРНТИ 16.21.49

Код ВАК 5.9.5

Ольга Владимировна Барабаш

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, olphil@mail.ru, SPIN-код: 1694-9900

### Фразеология с семантикой игры в политическом медиадискурсе

**АННОТАЦИЯ.** Цель исследования состоит в выявлении фразеологических единиц, функционирующих в политическом медиадискурсе и транслирующих семантику игры; установлении их стилистических особенностей и определении pragматических функций в контексте высказываний о политике. Источником языкового материала выступают тексты СМИ за 2020–2024 гг., опубликованные на ведущих информационно-аналитических порталах России и посвященные вопросам международной политики. Теоретическую и методологическую основу исследования составляют работы в области теории фразеологии, когнитивной лингвистики и политической коммуникации. Анализ показал, что фразеологические единицы с семантикой игры довольно часто выступают одним из конструктивных компонентов как заголовочной, так и основной части медиатекста и направляют коммуникативную деятельность его реципиента в необходимом автору направлении. При этом наиболее активно в публикациях о политике используется фразеология, обязанная своим происхождением карточной терминологии. Автор приходит к выводу, что включение фразеологизмов в медиатексты общественно значимой тематики является не только способом привлечения внимания читателя и создания выразительности текста, но и эффективным приемом конструирования образа политической действительности. Это обусловлено тем, что оценка политических решений, событий и ситуаций предстает в знакомых читателю образах, включенных в панораму культурно значимых ассоциаций и составляющих фрагмент национальной и языковой картин мира.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, фразеология русского языка, фразеологические единицы, фразеологизмы, русский язык, семантика игры, мировая политика, международные отношения, тема политики.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой «Русский язык как иностранный», старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, д. 40; email: [olphil@mail.ru](mailto:olphil@mail.ru).

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Барабаш, О. В. Фразеология с семантикой игры в политическом медиадискурсе / О. В. Барабаш. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 126-132.

Ol'ga V. Barabash

Penza State University, Penza, Russia, [olphil@mail.ru](mailto:olphil@mail.ru), SPIN code: 1694-9900

### Phraseologisms with Game-Based Semantics in Political Media Discourse

**ABSTRACT.** The aim of the study is to identify phraseological units functioning in political media discourse and translating the semantics of the game, establish their stylistic peculiarities and determine their pragmatic functions in the context of utterances about politics. The practical research language material encompasses 2020-2024 media texts published on the leading Russian information and analytical portals and devoted to issues of international politics. The theoretical and methodological basis of the study is formed by investigations in the theoretical fields of phraseology, cognitive linguistics and political communication. The analysis has shown that phraseological units with game-based semantics often act as one of the constructive components of both the headline and the main part of a media text and orient the communicative activity of its recipient in the direction required by the author. In this regard, authors of political publications most actively use phraseologisms originating from gambling terminology. The author concludes that using phraseologisms in media texts on socially important topics is not only a way to attract the reader's attention and enhance the expressiveness of the text but also an effective technique for constructing the image of political reality. This can be explained by the fact that evaluation of political decisions, events, and situations is presented through images familiar to the reader, included in the palette of culturally significant associations and constituting a fragment of national and linguistic worldviews.

**KEYWORDS:** political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, Russian phraseology, phraseological units, phraseologisms, Russian language, game-based semantics, global politics, international relations, the theme of politics.

**AUTHOR'S INFORMATION:** Barabash Ol'ga Vladimirovna, Candidate of Philology, Head of Department of Russian as a Foreign Language, Senior Researcher of the Research Institute for Basic and Applied Studies, Penza State University, Penza, Russia.

**FOR CITATION:** Barabash O. V. (2025). Phraseologisms with Game-Based Semantics in Political Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 126-132. (In Russ.).

## ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Происходящие в мире политические события находят отражение в публикациях, которые размещаются на различных информационно-аналитических порталах и становятся фрагментом современного политического медиадискурса. Дискурс в известной работе Е. С. Кубряковой определяется как «такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (*online*), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или — его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525]. Н. Д. Арутюнова образно определяет дискурс как речь, «погруженную в жизнь» [Арутюнова 1989: 136]. Соответственно, под политическим медиадискурсом мы понимаем совокупность высказываний о политике, функционирующих в медиапространстве и, с одной стороны, отражающих политическую действительность, а с другой — непрерывно конструирующих ее образ в сознании участников коммуникации.

Как отмечает В. З. Демьянков, «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость „политически правильных“ действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2003: 127]. Развивая предложенный Эриком Хиршем образ, В. З. Демьянков, пишет, что дискурс СМИ, в частности политический, «должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект („усваиваться“, как и любая *fast food*), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории» [Демьянков 2003: 119].

На наш взгляд, этой цели успешно служит фразеология, которая, будучи включенной в текст общественно значимой тематики, не только привлекает внимание читателя, но и задает вектор оценки описываемых событий и явлений, метко характеризуя их в устойчивых для данной языковой картины мира образах.

Цель исследования состоит в выявлении фразеологических единиц, функционирую-

щих в политическом медиадискурсе и транслирующих семантику игры; установлении их стилистических особенностей и определении прагматических функций в контексте высказываний о политике.

В качестве материала исследования выступают тексты СМИ за 2020–2024 гг., затрагивающие вопросы международной политики и размещенные на популярных российских информационно-аналитических порталах: [www.360.ru](http://www.360.ru), [www.ria.ru](http://www.ria.ru), [www.gazeta.ru](http://www.gazeta.ru), [www.news.rambler.ru](http://www.news.rambler.ru), <https://topcor.ru>.

## ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Теоретической и методологической основой нашего исследования служат труды известных ученых, посвященные русской лексике и фразеологии [Виноградов 1977; Телия 1996; Мокиенко 2020; Баранов 2013]; теории дискурса [Кубрякова 2008]; вопросам когнитивной лингвистики и политической коммуникации [Демьянков 2003; Чудинов 2003; Будаев 2008].

Русская фразеология, безусловно, представляет собой уникальный и богатейший пласт современного русского языка — как с точки зрения семантики и культурных коннотаций, стилистического разнообразия образующих ее единиц, так и с точки зрения плана выражения самих категорий, причисляемых к фразеологии.

Традиционно фразеологическая единица, или фразеологизм (от греч. φράσις — выражение, оборот речи), понимается как «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [Ахманова 1969: 494]. Иными словами, фразеологизм, как семантически несвободное сочетание слов, воспроизводится в речи в закрепленном за ним устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Словарь лингвистических терминов Т. В. Матвеевой определяет фразеологизм как «общее обозначение лексически неделимых устойчивых словосочетаний, обладающих семантическим и интонационным единством» [Матвеева 2010: 516], и указывает, что устойчивость и воспроизведимость являются их основными чертами.

В то же время вопрос о категориальных признаках фразеологизмов и о типах оборо-

тов, которые могут быть к ним отнесены, остается дискуссионным.

В. Н. Телия к базовым классам фразеологизмов относит все сочетания слов, для которых «характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка; признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости», то есть способность воспроизводиться «в готовом виде» [Телия 1996: 56]. При этом к фразеологии В. Н. Телия относит и лексически незамкнутые структуры типа «куры не клюют», которые, несмотря на предикативность, еще не могут считаться полноценным высказыванием в силу отсутствия модальной актуализации (оборот обозначает не поименованный объект, а ситуацию). Пословицы и поговорки, выражающие ценностные суждения, В. Н. Телия выносит за пределы фразеологии.

Другая точка зрения заключается в том, что в состав фразеологизмов включаются идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, присловья и т. д. Это широкий подход, представленный, например, в работах Н. М. Шанского, согласно которому пословицы и поговорки могут быть отнесены к «фразеологическим выражениям» [Шанский 1985: 76].

В. М. Мокиенко считает, что термины *поговорка, идиома и фразеологизм*, или *фразеологическая единица*, являются синонимами [Мокиенко 2020: 132], но при этом идиома и фразеологизм принадлежат лингвистической терминологии, а поговорка — фольклористической терминологии. Ученый отмечает, что «не всегда, например, легко отделить „классические“ пословицы от поговорок, а различные интерпретации лингвистических терминов *идиома* или *фразеологизм* накладывают (и будут накладывать) отпечаток на выбор словников фразеологических словарей» [Мокиенко 2020: 132].

Нам близка научная позиция А. Н. Баранова, который определяет фразеологизм как устойчивое неоднословное выражение некомпозиционной семантики и разграничивает следующие типы таких оборотов: *идиомы, коллокации (принять решение), пословицы, грамматические фразеологизмы (во что бы то ни стало; по крайней мере), фразеологизмы-конструкции (Х — он и в Африке Х), ситуативные клише (спокойной ночи; руки вверх!)* [Баранов 2013]. Центральными единицами фразеологии являются, безусловно, идиомы, которым, по А. Н. Баранову, свойственны переинтерпретация значения, непрозрачность и усложнение способа указания на денотат [Баранов 2008: 30].

В контексте поставленных в нашей работе целей мы фокусируем внимание преимущественно на идиомах. Это обусловлено тем, что обороты, обладающие наибольшей степенью идиоматичности, являются, на наш взгляд, и наиболее полифункциональными, что позволяет достичь автору медиатекста искомого перлокутивного эффекта. Очевидно, что коллокации типа «поставить вопрос» или «принять решение» лишены той культурно-семантической многослойности, которая характерна, например, для идиом «бить баклужи» или «спутать карты». Напротив, использование идиом в тексте, особенно в медиатексте о политике, рассчитанном на формирование общественного мнения, позволяет имплицитно выражать оценку политического события, личности политика или его поступка, конструировать образ действительности через знакомые читателю образы, включенные в палитру культурно значимых ассоциаций.

Отметим, что не случайно и обращение к фразеологии, транслирующей семантику игры. Концептуализация политики как игры наблюдается в разных языках и культурах, а в русской языковой картине мира этот вектор прослеживается особенно четко. Так, например, А. П. Чудинов, рассматривая в своей работе субсферу «Социум» как источник политической метафоры, выделил «взаимоперекрещивающиеся метафорические модели ЖИЗНЬ — это ИГРА и ЖИЗНЬ — это СПОРТИВНОЕ СОСТАЯЗАНИЕ» [Чудинов 2001], которые накладываются и на восприятие политической жизни. Политика, действительно, часто ассоциируется с игрой, в связи с чем возникает известная метафора «политические игры». Политические маневрирования емко и образно описываются с помощью целого ряда соответствующих фразеологических оборотов.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ публикаций о политике позволяет утверждать, что фразеологические единицы с семантикой игры, действительно, довольно часто выступают одним из конструктивных компонентов как заголовочной, так и основной части медиатекста и направляют коммуникативную деятельность его реципиента в необходимом автору направлении.

Само слово «игра» является общеславянским и восходит к праславянскому \*јьгъга [Фасмер 2003: 116], где индоевропейский корень означает «колебаться, двигаться» [Семенов 2003]. Исходное языческое значение игры связано с «восхвалением божества пением и пляской» [Крылов 2005: 155], позднее оно преобразовалось в ‘развлечение,

забава'. В русских письменных памятниках лексема «игра» встречается с XI в.

В основе идиом часто лежит метафора [Метафора в языке и тексте 1988: 78]. Иными словами, образование идиом, как оборотов с образной семантикой, по сути, является собой пример перехода тропа в языковой знак. Следовательно, фразеологический оборот представляет собой результат узуализации соответствующей метафоры.

Так, источником формирования фразеологизма могли стать свободные сочетания с компонентом *играть / игра*, называющие конкретный вид игры: *играть в бирюльки, играть в прятки, играть в поддавки, играть в молчанку*; указывающие на способ игры: *играть в одни ворота; условия игры: играть на своем / чужом поле* и т. п. Указанные свободные сочетания претерпели образное переосмысление и закрепились в языке в виде устойчивого оборота для обозначения той или иной ситуации:

- *играть в бирюльки* — ‘заниматься пустяками, чем-то несерьёзным’;
- *играть в прятки* — ‘скрывать истинные намерения’;
- *играть в молчанку* — ‘уклоняться от разговора’;
- *играть в поддавки* — ‘делать что-либо, удовлетворяя интересы и требования другого, в том числе для последующего достижения своих целей’;
- *играть в одни ворота* — ‘учитывать интересы только одной стороны отношений’;
- *играть на своем / чужом поле* — ‘действовать в привычных / непривычных условиях’.

В текстах о политике такие обороты характеризуют способ ведения дел, выстраивания отношений, например:

- Президент Байден тем временем *играет в молчанку* с журналистами (<https://www.ntv.ru/novosti/2759511/?ysclid=m543f0aa ut871180732>);
- „Все нормы делового оборота и международных отношений, когда это становится необходимо, трактуются исключительно в интересах этой державы, что называется работают в одну сторону, *игра идет в одни ворота*. Мир, основанный на таких догмах, определенно неустойчив“, — сказал Путин на пленарном заседании в рамках ПМЭФ (<https://ria.ru/2022 0617/putin-1796161822.html>).

Имплицитно семантика игры выражена в обороте *ход конем* (калька с французского *jouer le cavalier*). Он означает «решительное средство, которое пускается в ход в крайнем случае, находчивый и хитрый поступок, вносящий неожиданные изменения в сложную ситуацию» [Бирих 1998: 605], например:

– *Ход конем: как руководство России ответило на вызов США* (<https://ruinformer.com/page/hod-konem-kak-rukovodstvo-rossii-otvetilo-na-vyzov-ssha>).

Внутренняя форма оборота *ход конем* связана с интеллектуальной игрой — шахматами, в которой фигура «конь» способна на маневры, не свойственные никаким другим фигурам, что дает ей стратегические преимущества. Соответственно, в приведенном заголовке медиатекста в структуру цели (действия руководства России) проецируются такие компоненты структуры источника, как ‘интеллектуальная деятельность’, ‘удачный ход’, ‘преимущество’. Как видим, прагматический потенциал оборота *ход конем* заключается в том, что он не только формирует образ характеризуемого объекта, но и выступает призмой, через которую осуществляется восприятие и осмысление данного объекта читателем.

Одно из значений глагола «играть» — ‘обращаться с чем-либо легкомысленно’. Отсюда сочетание *играть с огнем*, которое в результате образного переосмысления закрепилось в качестве фразеологизма со значением ‘рисковать’. В медиатекстах о политике этот оборот также эксплицирует семантику риска, опасности, политического безрассудства, тем самым выражая оценку совершааемым на политической арене действиям, например:

- *США продолжают играть с огнем, поощряя курдский сепаратизм*, заявил Лавров (<https://ria.ru/20230206/ssha-1849984254.html>).

Интересно, что в русской языковой картине мира игра представлена в большей степени как развлечения, забава, потеха и сосуществует в диалектическом единстве с понятием дела, труда (вспомним пословицу: *делу время — потехе час*). Анализ фразеологии с семантикой игры в медиатекстах о политике подтверждает эту мысль: политика как игра часто противопоставляется реальным действиям во благо народа и государства, например:

- „Похоже, что это уже прямой сигнал, что мы начинаем, потому что *игра в бирюльки* должна все-таки закончиться. Мы больше не будем терпеть преступления украинских националистов на нашей территории“, — отметил эксперт (<https://news.rambler.ru/army/53787376-voennyy-ekspert-niku lin-zayavil-chto-zapad-pereshel-chertu-igra-v-biry ulki-dolzhna-zakonchitsya/?ysclid=m3ykr3kxt290 1322308>).

В данном примере идиома *игра в бирюльки* означает бездействие и указывает на отсутствие серьезных мер, направленных против нацизма.

По нашим наблюдениям, довольно значимым для русского языкового сознания оказался образ азартной игры. Это не случайно. Как отмечает М. Ю. Лотман, «карточная игра есть *игра*, то есть представляет собой модель конфликтной ситуации. В этом смысле она выступает в своем единстве как аналог некоторых реальных конфликтных ситуаций. Внутри себя она имеет правила, включающие иерархическую систему относительных ценностей отдельных карт и правила их сочетаемостей, которые в совокупности образуют ситуации „выигрыша“ и „проигрыша“» [Лотман 1992: 789]. Терминология карточных игр, связанная с описанием игровых ситуаций, со временем претерпевает переинтерпретацию значения и расширяет предметную соотнесенность, начиная применяться к более широкому кругу ситуаций в жизни людей и общества, например:

- *играть на руку* — ‘помогать, способствовать’;
- *делать ставку* — ‘надеяться’;
- *крыть нечем* — ‘нет аргументов’;
- *путать (спутать) карты* — ‘разрушить чей-то план’;
- *играть в открытую* — ‘открыто действовать’;
- *играть втёмную* — ‘исподтишка’;
- *раскрыть все карты* — ‘открыть истинные намерения, действовать открыто’;
- *остаться в дураках* — ‘проиграть, быть обманутым’;
- *сорвать банк* — ‘получить выгоду, добиться чего-нибудь, обычно нечестно’;
- *держать козырь в рукаве* — ‘иметь скрытое преимущество’;
- *карта бита* — ‘о полной неудаче чьих-либо замыслов’ и т. п.

Фразеология, обязанная своим происхождением карточной терминологии, активно используется и в медиатекстах о политике. Диалектика расчета и случая как условия исхода карточной игры, наличие или отсутствие у игрока «сильных» (коzyрных) карт, стратегия игры — все это проецируется на общественную, в том числе политическую реальность, характеризуя как самих мировых «игроков», так и их действия и решения. Приведем примеры из медиатекстов:

- *МИД заявил, что мятеж *играет на руку* внешним врагам России* (<https://ria.ru/20230624/myatezh1880222292.html>).

Отметим, что семантика игры может быть выражена без использования прямой номинации:

- „*Ракета для удара по России*“. Трамп *вновь спутал все карты* (<https://ria.ru/20240917/tramp-1972991901.html>).

Фразеологизм *спутать все карты* имеет разговорный оттенок и в русском языке

употребляется применительно к ситуации, когда сорваны чьи-либо намерения, расчеты, спутаны либо разрушены планы. Это выражение появилось в русском языке в XIX веке и является переводом французского оборота *Brouiller les cartes* (из речи картежников и гадалок на картах). В политическом дискурсе данный оборот часто используется в отношении политических деятелей, имеющих большое влияние и способных своими решениями и действиями влиять на мировую политику. Так, фразеологизм *спутать все карты* появляется рядом с именем Дональда Трампа в заголовке публикации, посвященной тому, как покушение на бывшего президента США, случившееся 13 июля 2024 г., неожиданно способствовало укреплению его позиций в предвыборной кампании. В то же время автор публикации, выбирая именно этот оборот, ненавязчиво подчеркивает, что Трамп — не вершитель истории, а игрок на политической арене.

В свою очередь, фразеологизм «раскрыть все карты» означает полностью раскрыть все планы, намерения, показать то, что скрывалось, и действовать открыто. Например:

- *Пентагон решил **раскрыть все карты*** (<https://ria.ru/20240630/pentagon-1956090790.html>).

Отметим, что в медиатекстах часто используется антонимичное выражение с отрицанием: «не раскрывать все карты» либо перефразированное сочетание «раскрыть не все карты», например:

- *Baijiahaо (Китай): Россия не **раскрывала все карты**, когда продавала нам С-400* (<https://news.rambler.ru/weapon/43792965-baijiahaо-kitay-rossiya-ne-raskryvala-vse-karty-kogda-prodavala-nam-s-400>).

Как известно, в карточной игре важное значение имеет наличие коzyрной карты, или коzyря. Коzyрь — это игральная карта той масти, которая по правилам игры признается старшей и бьет любую карту всех других мастей. В переносном смысле коzyрной картой называют преимущество, которое может использоваться в нужный момент в споре, борьбе, например:

- *Алаудинов заявил об использовании Украиной и Западом „коzyрной карты“* ([https://www.gazeta.ru/army/news/2024/09/11/23895973.shtml?utm\\_source=smi2&utm\\_medium=exchange&utm\\_campaign=3364&utm\\_term=99611&es=smi2](https://www.gazeta.ru/army/news/2024/09/11/23895973.shtml?utm_source=smi2&utm_medium=exchange&utm_campaign=3364&utm_term=99611&es=smi2)).

Включение такого фразеологизма в текст о политике диктуется стратегией формирования уверенности читателей в наличии у той или иной стороны политических отношений значимых ресурсов политического (военного, экономического и пр.) влияния.

Таким образом, игра предстает как модель взаимоотношений людей в обществе и проецируется на взаимодействие политических сил, на диалог государств и их лидеров в контексте международной политики, получая в языке соответствующие формы экспликации. Одной из таких форм выступают фразеологические единицы, которые активно используются в политическом медиадискурсе.

## ВЫВОДЫ

Анализ функционирования идиом с семантикой игры в медиадискурсе о политике позволяет сделать некоторые обобщения.

1. Прежде всего отметим, что тематика проанализированных публикаций за 2020–2024 гг. о международной политике, в заголовках и содержании которых выявлены фразеологизмы с семантикой игры, охватывает преимущественно вопросы взаимоотношений двух мировых держав — России и США, а также политические события, связанные с их противостоянием. Соответственно, политическими субъектами, действия и решения которых описываются в данных медиатекстах с использованием фразеологических оборотов, выступают, как правило, Россия, США, Запад, Украина, МИД, Пентагон, а также лидеры стран и ключевые политики.

2. Использование в медиатексте идиом, безусловно, повышает выразительность текста и служит привлечению внимания читателя. Так, фразеология с семантикой игры, будучи включенной в медиатекст, «подогревает» интерес адресата к политическим процессам, расстановке политических сил, наличии у той или иной стороны преимуществ (выражаясь соответствующей идиоматикой — *у кого и какой есть козырь в рукаве?, кто играет втемную?, чья карта бита? и т. п.*).

3. Фразеологическая единица, как правило, помещается в заголовок публикации и тем самым выполняет, с одной стороны, текстообразующую функцию, поскольку сразу обозначает аспект, ракурс, в котором будет раскрыта тема; а с другой — оценочную, так как дает возможность автору через название статьи продекларировать свое отношение к личности, событию или явлению. Это особенно важно для политического медиадискурса, участники которого являются (либо могут стать в результате прочтения текста) носителями определенных политических убеждений и мнений (как, например, в случае использования в публикации оборота *спутал карты* по отношению к Д. Трампу).

4. В русском языке фразеология с семантикой игры представлена такими единицами, внутренняя форма которых связана с раз-

личными видами игр: бытовыми, в том числе детскими (прятки, бирюльки), интеллектуальными (шашки, шахматы), азартными (карты), спортивными. При этом наиболее продуктивной в плане фразеообразования оказалась карточная терминология, послужившая основой целого ряда идиом. В политическом медиадискурсе в исследуемый период данный тип фразеологических единиц также преобладает.

5. Вплетение идиом в ткань медиатекста является эффективным приемом конструирования образа политической действительности. Это обусловлено тем, что оценка политических решений, событий и ситуаций предстает в знакомых читателю образах, включенных в палитру культурно значимых ассоциаций и составляющих фрагмент национальной и языковой картин мира.

## СЛОВАРИ

1. Академический словарь русской фразеологии / А. Н. Баранов и др.; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ЛЕКСРУС, 2015. — 1168 с. — Текст : непосредственный.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1989. — С. 136–137.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 607 с. — Текст : непосредственный.
4. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. — 700 с. — Текст : непосредственный.
5. Крылов, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Крылов. — Санкт-Петербург : Полиграффуслуги, 2005. — 432 с. — Текст : непосредственный.
6. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. — 562 с. — (Словари). — Текст : непосредственный.
7. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. — Москва : ЮНВЕС, 2003. — 704 с. — Текст : непосредственный.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — Текст : непосредственный.
2. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с. — (Studia philologica). — Текст : непосредственный.
3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Флинта-Наука, 2013. — 312 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 247 с. — Текст : непосредственный.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1977. — 319 с. — Текст : непосредственный.
6. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — Москва : Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. — С. 116–133.
7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки

славянской культуры, 2004. — 560 с. — Текст : непосредственный.

8. Лотман, Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Избранные статьи. В 3 т. — Таллин : [б. и.], 1992. — Т. 2. — С. 389–415.

9. Метафора в языке и тексте : моногр. / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1988. — 176 с. — Текст : непосредственный.

10. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — Москва : Энергия, 1979. — 152 с. — Текст : непосредственный.

11. Мокиенко, В. М. Лингвокультурологические и аксиологические аспекты русской паремиологии в исследованиях М. Л. Kovшовой / В. М. Мокиенко. — Текст : электронный // Slavica Slovaca. — 2020. — Т. 55. — № 1. — С. 123–133. — URL: [http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2020\\_1/mokienko\\_2020\\_1.pdf](http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2020_1/mokienko_2020_1.pdf) (дата обращения: 12.01.2025).

12. Сидоренко, М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке / М. И. Сидоренко. — Ленинград : ЛГПИ, 1982. — 108 с. — Текст : непосредственный.

13. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. — Текст : непосредственный.

14. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение в языке / В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1981. — 269 с. — Текст : непосредственный.

15. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

16. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов / Н. М. Шанский. — Москва : Высшая школа, 1985. — 160 с. — Текст : непосредственный.

#### DICTIONARIES

1. Baranov, A.N., & Dobrovolskiy, D.O. (Eds.) (2015). *Akademicheskiy slovar' russkoy frazeologii* (2<sup>nd</sup> ed., rev. and additional). Moscow: LEKSRUS, 1168 p. (In Russ.)

2. Arutyunova, N.D. (1989). Diskurs [Discourse]. In V.N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (pp. 136–137). Moscow: Sov. entsiklopediya. (In Russ.)

3. Akhmanova, O.S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 607 p. (In Russ.)

4. Birikh, A.K., Mokienko, V.M., & Stepanova, L.I. (1998). *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and Etymological Dictionary] (Ed. V.M. Mokienko, 3<sup>rd</sup> ed., corrected and enlarged). St. Petersburg: Folio-press, 700 p. (In Russ.)

5. Krylov, A.G. (2005). *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg : Poligrafslugi, 432 p. (In Russ.)

6. Matveeva, T.V. (2010). *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov on Don: Feniks, 562 p. (Slovvari). (In Russ.)

7. Semenov, A.V. (2003). *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: YuNVES, 704 p. (In Russ.)

#### REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1988). *Tipy jazykovykh znachenij. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Grade. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 341 p. (In Russ.)

2. Baranov, A.N., & Dobrovolskiy, D.O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak, 656 p. (Studia philologica). (In Russ.)

3. Baranov, A.N., & Dobrovolskiy, D.O. (2013). *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology]. Moscow: Flinta-Nauka, 312 p. (In Russ.)

4. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Metafora v politicheskoi kommunikatsii* [Metaphor in political communication] [Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka, 247 p. (In Russ.)

5. Vinogradov, V.V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografija* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka, 319 p. (In Russ.)

6. Dem'yankov, V.Z. (2003). Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of Political Discourse in the Media]. In M.N. Volodina (Ed.), *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: Uchebnoe posobie* (pp. 116–133). Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)

7. Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' jazyka v poznaniyu mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 560 p. (In Russ.)

8. Lotman, Yu.M. (1992). “Pikovaya dama” i tema kart i kartochnyj igry v russkoj literature nachala XIX veka [“The Queen of Spades” and the theme of cards and card games in Russian literature of the early 19th century]. In Yu.M. Lotman, *Izbrannye stat'i* (Vol. 2, pp. 389–415). Tallin. (In Russ.)

9. Teliya, V.N. (Ed.) (1988). *Metafora v jazyke i tekste* [Metaphor in language and text] [Monograph]. Moscow: Nauka, 176 p. (In Russ.)

10. Minskiy, M. (1979). *Frejmy dlya predstavleniya znanij* [Frames for representing knowledge]. Moscow: Energiya, 152 p. (In Russ.)

11. Mokienko, V.M. (2020). Lingvokul'turologicheskie i akcilogicheskie aspekty russkoy paremiologii v issledovaniyah M. L. Kovshovoy [Lingvocultural and axiological aspects of Russian paremiology in the studies of M. L. Kovshova]. *Slavica Slovaca*, 55(1), 123–133. Retrieved Jan. 12, 2025, from [http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2020\\_1/mokienko\\_2020\\_1.pdf](http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2020_1/mokienko_2020_1.pdf) (In Russ.)

12. Sidorenko, M.I. (1982). *Paradigmatische otosheniya frazeologicheskikh edinitv v sovremennom russkom jazyke* [Paradigmatic relations of phraseological units in the modern Russian language]. Leningrad: LGPI, 108 p. (In Russ.)

13. Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury”, 288 p. (In Russ.)

14. Teliya, V.N. (1981). *Tipy jazykovykh znachenij. Svyazannoe znachenie v jazyke* [Types of linguistic meanings. Associated meaning in language]. Moscow: Nauka, 269 p. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskem zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991 — 2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, 238 p. (In Russ.)

16. Shanskiy, N.M. (1985). *Frazeologiya sovremennoj russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language] [A textbook for universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 160 p. (In Russ.)